

Секция № 2:
ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

«ПОЖЕРТВОВАТЬ БОГОМ ЗА НИЧТО». КАТЕГОРИЯ
УТРАТЫ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XIX–XX ВВ.

О. С. Мастюгина

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

В философии, начиная с конца XIX в., можно отметить одну из характерных черт, которая во многом будет определять все направление мысли этого периода и влиять на мировоззрение человека той эпохи в целом. Этой чертой является важность темы утраченного, которая выражается в следующих аспектах: рост нигилизма; внимание к категории ничто; важность категории смерти в философской мысли; развитие понятия отчуждения. Нигилизм, ничто, отчуждение и смерть в определенном смысле являются синонимами утраты, ее конкретными воплощениями.

Безусловно, тема утраченного не является новой для философии и для человеческой мысли вообще. Античность была отмечена тоской по некому Золотому веку, эпоха христианства искала утраченную связь с Богом, потерянный рай. В каждую эпоху есть идеал, к которому стремится человек, а тема идеального всегда связана с темой утраченного. Однако с конца XIX в., несомненно, нарастание напряженности и необычайного масштаба темы потерянности, ощущения пустоты и утраты, примеров тому множество. Даже вопросы, занимающие философскую мысль того времени, — это смерть и закат Европы, отчуждение человека, тема бездомности и потерянности человека в мире, соотношение бытия и ничто, исчезновение духовных идеалов и ценностей, которое Ницше точно выразил скандальной фразой «Бог умер». Категория утраты приобретает прямо-таки пугающее значение и определяет настроение всей эпохи.

Что касается причин повышенного внимания (возможно, даже неосознанного) к теме утраченного именно в период конца XIX–XX вв., то стоит, как представляется, обратиться не в последнюю очередь к социально-культурным и историческим потрясениям той эпохи: революциям, переворотам, войнам, значение и последствия которых пересказывать нет смысла. Примерно в это же время происходит разочарование в прежних идеалах, прежде

всего, религиозных. Вера в устойчивость мира и однозначность истин опровергается самими событиями и открытиями той эпохи. Кроме того, пафос XX в., пафос борьбы с предыдущими традициями, захватывает все отрасли человеческой мысли – от науки и техники до искусства и философии. Жажда освобождения абсолютно от всего старого, традиционного выливается в культ новизны, стремление утратить все, что связывает человека с прошлым.

Увлечшись этим пафосом борьбы, человек наталкивается на некий парадокс, который можно назвать «парадоксом Базарова». Решив, что для нового «сначала нужно место расчистить» [7, с. 41], человек настолько преуспевает в этом деле, что, в конце концов, остается наедине с самим собой на расчищенном до предела месте, лицом к лицу с пустотой, утратив все. Нигилизм забирает старые ценности, но новых не дает – и на этом останавливается. Главное – это освободить место для нового, и неважно, что этого нового нет. Очень точно определяет быт и настроение того времени Стефан Цвейг [8], говоря, что русский человек XIX столетия сжег за собой деревянную избу варварской старины, но еще не построил нового дома, он вырван с корнем и потерял направление. Хотя вряд ли эти слова можно отнести только к русскому человеку. Пусть европеец и не ломал своего дома, но он ломал систему ценностей и оставил после нее такое же пустое место. Тема утраты не принадлежит какой-то отдельной культуре, будь то европейской или русской, она тем или иным образом присутствует и развивается в каждой культуре, в большей или меньшей степени. Феномен русского нигилизма – лишь одно из наиболее ярких проявлений данной темы.

Таким образом, желанная нигилистами пустота возникла, только она стала никому не нужной и пугающей. Человек потерял направление, да и самого себя потерял, отказавшись от всякого авторитета.

Распространение экзистенциальных настроений в XX в. во многом связано именно с апофеозом пустоты, утраты, «беспочвенности», говоря словами Шестова. Главный лозунг – человек должен быть свободен от всего. Никаких рамок, никаких границ. Все должно быть «по ту сторону», потому что по эту сторону – сковывающий старый порядок. Единственное, в чем есть уверенность, что еще осталось у человека, что не подверглось отрицанию – это его Я, к которому и обращается экзистенциализм. Я и мои чувства – единственное, чего не смогла коснуться пустота, что не утрачено, в чем я могу еще быть уверен. «Я – вот то, смысл и суть чего хотел я постичь. Я – вот от чего пытался я уйти и что хотел преодолеть, хотел, но не мог» [2, с. 58].

Так, в стремлении отрицать все, человек натывается на собственное Я и его уже отрицать просто не может. Однако он может

максимально освободить его от внешнего, от авторитетов и, в конечном итоге, провозгласить, что Я есть Ничто, как и делает Сартр. Для Сартра человек является бесконечным множеством возможностей, еще не проявивших себя, абсолютно свободным ничто. «Человек осужден быть свободным» [6, с. 29], ничего не способно повлиять на него, никакие мнения, решения, ориентиры, авторитеты. Человек есть Ничто в том смысле, что он утратил все, кроме себя самого, он абсолютно свободен от предопределенности. Таким образом, концепцию Сартра можно привести в пример возросшего интереса философской мысли ко второму воплощению утраты – к категории Ничто.

Если Сартр пытается определить человека через Ничто, то Хайдеггер пытается определить еще одну традиционную категорию, время, через следующее воплощение утраты – через смерть. Целостность моего бытия достигается через аналитику феномена моей смерти. Сам факт попытки объяснения наличного бытия, *das-
ein*, через смерть представляется очень показательным для схватывания настроений в философии XX в. вообще.

Ощущение постоянно ускользающего бытия, утрачиваемой реальности просто не могло не сказываться на философии того времени. Его влияние можно увидеть даже в таких, казалось бы, далеких от нигилизма и экзистенциализма течениях, как гегельянство и марксизм. Понятие отчуждения, развиваемое в обеих философских системах, также можно назвать следствием ощущения опустошенности. Отчуждение является синонимом утраты в том смысле, что отчуждение – это потеря части самого себя, например, в виде собственного труда, если обращаться к концепции Маркса.

Итак, в пример все нарастающего чувства пустоты можно привести и русский нигилизм, и отчуждение Гегеля и Маркса, и особое внимание к категориям небытия, ничто, смерти в произведениях Хайдеггера, Сартра и многих других. Однако апогея принцип пустоты достиг в философии Ницше.

Ницше стал своеобразной ключевой фигурой XX в., который культивировал «бездну беспредельной свободы, где все дозволено» [1, с. 17]. С фигурой Ницше в философии произошел некий «взрыв» Ничто. В своих размышлениях Ницше дошел до предела пустоты. Воспевая новизну, появление нового человека, он призывает уничтожить все прошлое, все предрассудки, все ценности и авторитеты, даже собственное Я. «Ты должен сжечь себя в своем собственном пламени: как иначе хотел бы ты обновиться, не обратившись сперва в пепел!» [3, с. 647]. Смерть для Ницше как начало новой жизни, возникающей из пустоты. Утрата всего – это символ надежды, символ падения старого порядка. Тотальное уничтожение всего переходит в Ничто, в полностью утраченную старую

реальность. Для того чтобы достичь Ничто, Ницше жертвует всем – Богом, традицией, даже человеком, считая, что цель – появление сверхчеловека – настолько высока, что оправдывает любые средства.

С приходом Ницше буквально зеркально переворачивается система ценностей. Обладая ранее абсолютной значимостью, жизнь начинается теперь со своей противоположности, со смерти; важность утверждения Ницше заменяет важностью отрицания; бытие становится небытием; утрата означает теперь новое обретение целостности себя самого.

Возвращаясь к заявленной в названии цитате «Пожертвовав Богом за Ничто» [4, с. 60], можно сказать, что она является знаковой для той эпохи. Пожертвовать Богом как средоточием и выражением всех главных ценностей людей на протяжении многих столетий нужно было для того, чтобы отрицание всего дошло до своего логического завершения, чтобы свобода человека оказалась абсолютной, чтобы желанную пустоту ничего не тревожило, чтобы никакие ориентиры и авторитеты не раздирали человека сомнениями. Утратить необходимо было абсолютно все, особенно Бога, олицетворение старого порядка, потому что Новый мир со старым Богом был невозможен. Как и говорил Ницше, Новый мир должен начинаться со смерти, с ничто.

Возможно, мечты Ницше о новом человеке частично и осуществились. Человек утративший, потерявший и потерявшийся – новый тип человека, созданный эпохой конца XIX–XX вв. Правда, можно ли этого нового человека назвать сверхчеловеком – это еще большой вопрос. Пока чувство потери и пустоты, скорее, ассоциируется с чувством заброшенности и трагического одиночества, нежели с надеждой на новую жизнь, которую лелеял Ницше. Это двойственное отношение к чувству утраты очень точно отметил Ортега-и-Гассет, говоря, что «ощущение потерянности – это и трагический удел, и почетная привилегия человека» [5, с. 501] эпохи XX в.

Библиографические ссылки на источники

1. Выжлецов Г. П. Философия духа Ф. М. Достоевского в XX веке // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 24.
2. Гессе Г. Сиддхартха. СПб., 2007.
3. Мудрость тысячелетий: энциклопедия. М., 2004.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Минск, 2007.
5. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.

7. Тургенев И. С. Отцы и дети. М., 1958.
8. Цвейг С. Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский. Таллин, 1985.

МЕТАНАУКА ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЯСНЕНИЯ БЫТИЙНЫХ ИСТОКОВ ЧЕЛОВЕКА

Д. Р. Ярченко

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

Издrevле люди занимались поисками ответов на самые сокровенные сущностные вопросы. «Что находится перед моими глазами?» – первая проблема, занимающая сознательного индивида и оформляющая его экзистенциальные границы. Однако интерес к окружающей действительности обретают свою актуальность лишь посредством корреляции с личным жизненным пространством и системой ценностей конкретного Я. Поэтому фундаментальным и наиболее значимым принципом самоидентификации для каждого из нас выступает интенция прояснения сущности человека.

Слова Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей», указывают на попытки постановки и разрешения этой задачи еще в период ранней античности. На протяжении хода мировой истории всякая философская система в той или иной мере затрагивала данную проблематику. Платон, Августин Аврелий, Джон Локк были выдающимися знатоками нашей жизни. Но только в начале двадцатого столетия зародилась самостоятельная дисциплина, избравшая человека главным объектом и предметом собственного внимания. Она получила название философской антропологии.

И на ее долю выпала очень непростая судьба – появиться в такой исторической ситуации, когда тенденция дифференциации наук и отделения от нихлюбомудрия (как специфической когнитивной реальности) достигла апогея. А на философскую антропологию была возложена ответственность запуска процесса реинтеграции цельной картины мира, продуцируемой различными типами познавательного отношения. Фактически речь шла о перспективе воплощения проекта построения так называемого «дерева наук», с давних пор (начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта) занимавшего умы передовых европейских мыслителей. Учение о человеке претендовало на роль центральной составляющей такого организма,